

Много ли человеку надо? Брошенная на ходу похвала до сих пор греет. Но вот совсем недавняя история, связанная со стихами Лёши Решетова. Лежал я в больнице, в урологии. В палате все тяжёлые больные. Один, бывший конструктор, с самим Соловьёвым работал на моторном заводе, отказался от операции, его выписывают. Другой кроссворды решает. В углу у окна совсем плохой. Четвёртый — грязный матерщинник. Я выходил в коридор, когда он начинал изъясняться по-чёрному. Мне почему-то хотелось почитать им Решетова, хотя идея эта казалась совершенно безнадёжной. А тут случай — человека выписывают. Входит молодой краснощёкий врач и говорит ему: «У вас нехороший нарост. Всё-таки нужна операция». — «Мне 82 года. Какая может быть операция?» Врач молча ушёл, наступила тишина. Я рискнул.

*Лежу на больничной постели,
Мне снится рябиновый сад.
Листочки уже облетели,
А красные гроздья висят.
И мать говорит мне:
«Мой мальчик,
Ты помни, когда я уйду,
Что жизнь наша горче и ярче,
Чем ягоды в этом саду».*

— Чьи стихи?
— Алексей Решетов.
— Не знаю. Не слышал. Спиши слова.
— И мне.
— И мне.
— И мне.

Я ШЁЛ ДОМОЙ НА КОНПАШНИ,
ТО ЕСТЬ КОНОВАЛОВСКИЕ ПАШНИ, СКВОЗЬ ПУРГУ
И ШЕПТАЛ СТИХИ, БОЯСЬ ПОЗАБЫТЬ ХОТЬ ОДНО
СЛОВО. ЗНАЕТЕ, ЭТО БЫЛО СЧАСТЬЕ

Возвращается врач, протягивает конструктору листок:

— Мой телефон. Если что... Если передумаете... В любое время...

Святочная история...

В коридоре подслушал тихий разговор врачей:

— Фигли, 82 года...

Сначала думал, что «Пермь» — это парма, холм, поросший ельником, не просто лесом, а ельником. Только ель вызывает образ Кремлёвской стены. Однако знающие люди считают, что Пермь происходит от «пера маа» — «дальняя земля» на языке вепсов. Так что просторечная «Перемь» ближе всего к корневому «пера маа». Новгородцы шли за пушниной на восток через стра-

ЗНАЮЩИЕ ЛЮДИ
СЧИТАЮТ, ЧТО ПЕРМЬ
ПРОИСХОДИТ
ОТ «ПЕРА МАА» —
«ДАЛЬНЯЯ ЗЕМЛЯ»
НА ЯЗЫКЕ ВЕПСОВ.
ТАК ЧТО ПРОСТОРЕЧНАЯ
«ПЕРЕМЬ» БЛИЖЕ ВСЕГО
К КОРНЕВОМУ
«ПЕРА МАА»

ну финноязычных вепсов. Показывают рукой на восток: «Что там?» — «Пера маа». Решили, что это имя собственное. Зазимовали на реке Вычегде и называли это место Пермью Вычегодской, а один из притоков реки — Вишерой в честь реки, на которой стоит Новгород. Ласкало слух на чужбине родное слово «Вишера». Потом новгородцы проникли в верховья Камы. Её большой левый приток они, не мудрствуя лукаво, снова окрестили Вишерой, а приточек, для разнообразия, — Вишеркой.

А слово «великая» применительно к Перми — это уже след псковичей. Те тоже шли на восток и тащили за собой названия тех мест, откуда они родом (Псков стоит на реке Великой). Родина рядом, хотя бы в именах. Так по этой версии получилась Пермь Великая. И уж потом слово «великая» было

переосмыслено и получило настоящее, теперь уже правильное своё значение. Я влюбился в слово «Пермь»!

Как-то я услышал по «Эху Москвы», что у историков существует понятие «миграция топонимов». Люди тащат за собой родные имена. На нашей земле — четыре города по имени Переяславль. И все они стоят на реках с одинаковым названием — Трубеж!

В 1977 году, в конце лета, когда Америка оплакивала уход из жизни Элвиса Пресли, два американских космических корабля, носящих французское имя Voyager, то есть «Путешественник», отправились в самое дальнее путешествие в истории человечества. К борту каждого из них были приторочены круглые алюминиевые коробки с позолоченными видеодисками. Записи: плач ребёнка, мамин шёпот, голоса птиц, зверей, людей на 55 языках, грохот вулканов и землетрясений, шуршание песка, океанский прибой, музыка Баха, Моцарта, Бетховена, джазовые композиции Армстронга, Чака Берри, народная музыка. После того как «Вояджеры» получили качественные снимки самых дальних планет, они получили новое задание — изучить переходные области между солнечной и межзвёздной плазмой и попытаться вылететь за пределы Солнечной системы. Корабли попали в зону «гелиопаузы» — там влияние Солнца, «солнечный ветер», ослабевает, но его ещё не может одолеть «галактический ветер». Последние новости: «Вояджеры» преодолели границу и вышли за пределы Солнечной системы. Это самая дальняя «пера маа». За далью даль, за далью даль. Но для меня, находящегося, по выражению Жванецкого, на «склоне вершины лет», вот что важно: я, как мне кажется, приблизился к разгадке Перми как земли, на которой мы живём. Ключевые фигуры — Чехов, Пастернак, Пушкин, может быть, Лермонтов. Но разгадка — именно в жизни и строках Чехова. В чём его тайна? Станиславский: «Глава о Чехове ещё не кончена, её ещё не прочли как следует, не вникли в её сущность... Пусть её раскроют вновь, изучат и прочтут до конца».

Может быть, мы ещё встретимся и поговорим об этом подробно. Не будем спешить. Не будем спешить... **■**